

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>EDN: <https://elibrary.ru/sjwiwc>

УДК / UDC 332.1(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Особенности религиозной ситуации приграничья в контексте межконфессиональных и внешних связей (на материалах Республики Карелия, 1940–1980-е гг.)

Л. И. Вавулинская, С. Э. Яловицына ✉

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация*✉ jalov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Религиозная «оттепель» первых послевоенных лет сменилась в конце 1950-х гг. новым нажимом на церковь. В Карелии эти процессы имели свою специфику, связанную с приграничным положением и соседством с Финляндской Республикой, а также с наличием в составе населения республики финнов-лютеран. Вместе с тем Карелия традиционно считалась территорией с преобладанием православных верующих, поэтому исследователи сконцентрировались преимущественно на изучении православной истории края. Цель исследования – показать влияние карельского регионального приграничья на религиозную ситуацию края.

Материалы и методы. Статья подготовлена на основе введенных в научный оборот новых документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Национальном архиве Республики Карелия, а также с помощью привлечения материалов документальных сборников и местной литературы, затрагивающей проблемы религиозной жизни в республике во второй половине XX в. Они дают аргументированное представление о государственно-церковном и межконфессиональном взаимодействии в Карелии. Методологической основой исследования являются общенаучные (системный подход, принцип историзма, анализ и синтез, обобщение) и специально-исторические (историко-генетический, хронологический, историко-сравнительный) методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявлена взаимосвязанность государственно-церковных отношений с приграничным расположением республики, которое обусловило особую бдительность властей к деятельности различных церковных общин и желание использовать церковь в формировании положительного имиджа СССР на международной арене. Особенностью внешних контактов с Финляндией стало участие в них не только представителей лютеран, но и православных, что усилило межконфессиональное взаимодействие. Единая антирелигиозная направленность политики в 1940–1980-е гг. позволяла конфессиям видеть друг в друге скорее союзников, чем теологических соперников, и использовать выход на международную арену как форму оказания давления на власть внутри страны.

Заключение. Статья отражает роль внешнего фактора, оказавшего существенное влияние на религиозную ситуацию в приграничной республике, позволяет лучше понять и оценить результаты общей политики государства и ее эволюции в 1940–1980-е гг. Актуальной представляется оценка влияния на религиозную ситуацию усиливающегося туристического потока из-за рубежа в 1970-е гг., а также рассмотрение темы в контексте ретроспективного поворота в культуре СССР (интерес к церковной архитектуре, иконописи и др.). Перспективы исследования проблемы авторы видят в более углубленном изучении религиозных практик населения, внутренней ситуации в религиозных организациях, интерес к которым возрастает в связи с предстоящим в 2027 г. празднованием 800-летия крещения карелов.

Ключевые слова: Карелия, приграничье, Русская православная церковь, лютеранство, межконфессиональные контакты, миротворческая деятельность, атеистическое государство

© Вавулинская Л. И., Яловицына С. Э., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: исследование выполнено в рамках госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН. Тема НИР № 124022000029-0.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Вавулинская Л.И., Яловицына С.Э. Особенности религиозной ситуации приграничья в контексте межконфессиональных и внешних связей (на материалах Республики Карелия, 1940–1980-е гг.). *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):67–79. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>

Religious Dynamics in Border Regions in the Context of Interfaith and External Relations (Based on Materials from the Republic of Karelia, 1940–1980s)

L. I. Vavulinskaya, S. E. Yalovitsyna ✉

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation
✉ jalov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The religious policy of the Soviet atheist state underwent several transformations between the 1940s and the 1980s. The religious “thaw” of the early post-war years was replaced by renewed pressure on the Church in the late 1950s. In Karelia, these processes had distinct characteristics shaped by its borderland position, proximity to Finland, and the presence of Finnish Lutherans within the republic’s population. At the same time, Karelia was traditionally regarded as a region with a predominance of Orthodox believers, which led researchers to focus primarily on the Orthodox history of the area. This article aims to examine the impact of Karelia’s borderland status on the region’s religious landscape.

Materials and Methods. The article is based on newly introduced archival documents from the State Archive of the Russian Federation and the National Archive of the Republic of Karelia. Additionally, it draws on materials from documentary collections and local literature addressing issues of religious life in the republic during the second half of the 20th century. These sources provide a well-substantiated perspective on state-church and interfaith relations in Karelia. The study’s methodological framework incorporates both general scientific methods (systems approach, the principle of historicism, analysis and synthesis, generalization) and specialized historical methods (historical-genetic, chronological, and historical-comparative approaches).

Results and Discussion. The interconnection between state-church relations and the republic’s border location was identified, which led to heightened vigilance by the authorities regarding the activities of various religious communities and a desire to use the church to shape a positive image of the USSR on the international stage. A distinctive feature of external relations with Finland was the involvement not only of Lutheran representatives but also of Orthodox clergy, which strengthened interfaith cooperation. The unified anti-religious orientation of policy during the 1940s to 1980s allowed different denominations to perceive each other more as allies than theological rivals, using their presence on the international stage as a means of exerting pressure on the domestic government.

Conclusion. The article explores the role of an external factor that significantly influenced the religious situation in a border region, offering a better understanding and evaluation of the outcomes of the state’s overall policy and its evolution during the 1940s to 1980s. The assessment of the impact of the growing influx of foreign tourists in the 1970s on the religious landscape appears to be especially relevant, as does the consideration of the topic within the context of the retrospective turn in Soviet culture (interest in church architecture, iconography, etc.). Further research into this issue could be pursued through a more in-depth study of the religious practices of the population and the internal dynamics of religious organizations, areas of increasing interest due to the upcoming 800th anniversary of the Christianization of the Karelians in 2027.

Keywords: Karelia, borderland, Russian Orthodox Church, Lutheranism, interfaith contacts, peacekeeping activities, atheistic state

Funding: The research was carried out within the framework of the state task of the ILLH KarRC RAS (№124022000029-0).

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vavulinskaya L.I., Yalovitsyna S.E. Religious Dynamics in Border Regions in the Context of Interfaith and External Relations (Based on Materials from the Republic of Karelia, 1940–1980s). *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):67–79. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.067-079>

Введение

В последнее время в отечественной научной литературе заметно возрос интерес к вопросам религиозной жизни, взаимоотношений государства и религиозных организаций. Религиозная ситуация в приграничном регионе часто становилась предметом особого внимания официальных властей. Даже в советский период, когда атеизм был частью государственной доктрины, религиозный компонент рассматривался как фактор, который может оказать влияние как на внутривнутриполитическую обстановку, так и на взаимоотношения с соседними государствами и общий внешнеполитический имидж страны. Отмечаемый современными авторами тренд на вмешательство во внутрицерковные вопросы со стороны политических акторов, включая форматирование вероучительных установок, может быть заново интерпретирован с учетом опыта 1940–1980-х гг.¹

Руководителям советского государства было важно продемонстрировать отсутствие гонений на церковь и верующих в СССР. С этой целью священнослужителей приглашали к участию в различных международных мероприятиях, чаще всего имеющих миротворческий посыл. Как подчеркивает О. Ю. Васильева, анализирующая послевоенную историю церкви в СССР, «морально-этической основой сближения разных государств и народов в новых условиях [после 1945 г. – *Авт.*] могла стать только религия с ее универсальными ценностями и идеалами. Но для этого надо было показать уважение к ней, терпимость к “чуждым социализму ценностям”»² руководящие партийные и советские органы стремились использовать церковь как мобилизационную силу в сложный послевоенный период восстановления народного хозяйства и ввести в нужное русло всплеск религиозности населения, которое продемонстрировало в годы войны и сразу после неугасший интерес к вере. Архивные документы свидетельствуют о желании властей заслужить лояльность данной группы населения, в которой они видели некоторую угрозу социалистическому образу жизни. Невозможно было не заметить консолидирующую роль и патриотическую работу церкви в годы войны. Это определило своего рода послевоенную религиозную «оттепель». Тем не менее верующие различных конфессий продолжали подвергаться ограничениям и карательным мерам со стороны государства вплоть до конца 1980-х гг. [1].

В статье на основе введения в научный оборот ранее не опубликованных архивных документов рассматриваются особенности религиозной ситуации в приграничной Карелии в контексте межконфессиональных и внешних связей 1940–1980-х гг.

Цель исследования – отразить влияние карельского регионального приграничья на религиозную ситуацию в крае в 1940–1980-е гг.

Обзор литературы

Особенностью карельского приграничья с религиозной точки зрения является присутствие в составе верующих, наряду с православными, представителей финнов-лютеран. Изучению и историческому осмыслению процесса взаимоотношений Советского государства и существовавших в нем конфессий, в том числе лютеранской, посвящено значительное количество работ российских ученых³. В 2002 г. вышло в свет первое в отечественной историографии исследование О. В. Курило по истории лютеранства в России на протяжении XVI–XX вв.⁴, в котором описываются трудности в изучении лютеранства

¹ Воротников В. В., Пареньков Д. А. Церковь и политика. Испытание новой реальностью : аналитический доклад. М. : МГИМО-Университет, 2022. 24 с.

² Васильева О. Ю. Внешняя политика советского государства и русская православная церковь. 1943–1948 годы // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : ИРИ РАН, 2000. С. 340.

³ Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки. СПб. : Петроглиф, 2019. 376 с.; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). М. : Фонд «Лютеранское культурное наследие», 2004. 544 с.; Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах : реферат. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2009. 356 с.; Сосковец Л. И. Религиозные организации и верующие в Советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 252 с.

⁴ Курило О. В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М. : Фонд «Лютеранское наследие», 2002. 402 с.

в связи с проводимой антирелигиозной политикой властей и рассматривается церковная жизнь различных национальных групп, традиционно исповедующих лютеранство (немцев, финнов, латышей, эстонцев, шведов) в разные исторические периоды.

Впервые в отечественной историографии специальное исследование, посвященное проблемам церковного подполья в СССР, предпринято А. В. Бегловым⁵. Автор работы рассмотрел разнообразные формы нелегальной церковной жизни советского периода: запрещенные приходские и монашеские общины, крестные ходы, подпольную благотворительность, хозяйственную деятельность и др. Хотя хронологически основная часть исследования охватывает период с 1917 по 1953 г., важнейшие тенденции жизни церковного подполья автор прослеживает вплоть до 1980-х гг.

Существенно дополняют наше представление о месте и роли религиозных сообществ в советском обществе второй половины XX в. современные региональные исследования, авторы которых выявили особенности религиозной жизни на местах, показали синхронность в проведении политики власти по ограничению деятельности различных конфессий, отметили, что несмотря на полный запрет, нелегальные религиозные объединения функционировали во всех регионах страны [2–4].

Своеобразие религиозной жизни на Северо-Западе России посвящены исследования О. Б. Молодова и М. В. Шкаровского, в которых рассматривается скандинавское влияние на религиозные практики населения, отмечаются особенности жизни православных приходов, связанные с минимальным количеством храмов в этом регионе, кадровым дефицитом священнослужителей [5;6].

Проблемы деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в свете международной политики СССР поднимаются в исследованиях В. Л. Короля [7], Н. Ю. Пивоварова, В. В. Тихонова и Н. П. Шок [8], С. В. Болотова⁶. В контексте отечественной и зарубежной историографии рассматриваются различные формы сотрудничества РПЦ со светскими миротворческими организациями, участие в антивоенных мероприятиях, межрелигиозное и международное сотрудничество с целью сохранения мира. Выясняется, насколько эффективным был гуманистический диалог в рамках миротворческого движения и как он способствовал упрочению положения христианских конфессий СССР в международных контактах.

История православной церкви в Карелии привлекала внимание исследователей в контексте дореволюционной истории (зарождение и развитие), а также межвоенного периода (борьба с церковью). Именно эти хронологические этапы затронуты в работах Э. Д. Степановой, в коллективной книге по истории Олонецкой епархии⁷. С. Б. Филатов расширяет временные рамки исследования, но анализ межконфессиональных контактов и их роли в церковно-государственных отношениях в интересующий нас период рассматривается конспективно⁸. Истории лютеранства в Карелии посвящена монография С. Э. Яловицкой⁹, в которой исследован процесс создания лютеранского прихода в Петрозаводске в 1969 г. и его последующее развитие.

Зарубежная историография советского периода миротворческую миссию православной церкви в СССР трактовала прежде всего как вынужденную позицию в условиях гонений, но детально ее не рассматривала. Участие в работе Фонда мира и иных международных организаций было едва ли не единственным способом Церкви выйти на международную арену. Дефицит источниковой базы в советский период стал причиной

⁵ Беглов А. В. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М. : РОССПЭН, 2018. 350 с.

⁶ Болотов С. В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 322 с.; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.

⁷ Степанова Э. Д. Очерки истории православия в Карелии. Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 2008. 246 с.; Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия ; сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск : Национальный архив Республики Карелия, 2001. 253 с.

⁸ Филатов С. Б. Особенности религиозной жизни Карелии // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб.: Летний сад, 2002. С. 75–89.

⁹ Яловицкая С. Э. Лютеране Карелии : исторические очерки. Петрозаводск : ИП Марков Н. А., 2016. 216 с.

весьма ограниченного числа публикаций зарубежных исследователей по истории Церкви. В постсоветский период интерес финских исследователей к проблемам соотношения этничности финнов Карелии и лютеранства стал основой для появления ряда книг, диссертаций и статей на эту тему¹⁰. Многие из них использовали риторику гонений на Церковь и верующих в СССР.

Существенным препятствием для разработки исследуемой проблемы является ограниченная источниковая база, представленная в основном документами, отражающими взаимодействие Церкви и государства. Практически отсутствуют первичные материалы местных религиозных организаций, которые позволили бы получить представление о внутрицерковном и межконфессиональном диалоге по проблемам участия в миротворческой деятельности. Вероятно, большая часть обсуждений данных вопросов происходила «без протокола».

Материалы и методы

Источниками для написания статьи послужили архивные материалы Национального архива Республики Карелия и Государственного архива РФ. Это преимущественно официальная документация Совета по делам РПЦ и религиозных культов СССР и аппарата уполномоченного по указанным вопросам в Карелии: руководящие документы, циркуляры, инструкции, переписка, отчеты и др. Были привлечены и документы партийных органов установочного характера. Материалы по межрегиональным, межконфессиональным и внешним связям церковных общин Карелии рассредоточены по разным фондам и содержатся в документах часто в форме вкраплений. В силу того, что многие из акторов религиозной жизни действовали неофициально¹¹, документальный след в открытых архивных массивах обнаруживается с трудом.

Опубликованные в «Журнале Московской патриархии» официальные документы церкви¹² и их анализ в теме православной мирологии¹³ позволяют утверждать, что с 1948 г. РПЦ присоединилась к разработке социальной проблемы упрочения мира. В 1970-е гг. концепция ответственности церкви «за сохранение жизни на земле» была концептуализирована в специальную религиозную концепцию, что позволило Церкви войти в 1961 г. в экуменическое движение и сформулировать идеи совместного участия верующих и неверующих в борьбе за мир.

Источниковедческая специфика задала методологические ориентиры для разработки темы. Учитывая многоакторность изучаемого контекста как с внутривнутриполитической (союзное руководство, республиканское руководство, РПЦ, протестантские приходы, Эстония), так и внешнеполитической (СССР, Финляндия) точки зрения, исследование требовало комплексного анализа. Он стал возможным благодаря использованию проблемно-хронологического, историко-сравнительного методов и опоре на антропологический подход.

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине XX в. с Финляндской Республикой, ближайшим соседом Карелии, поддерживались внешнеэкономические и культурные связи, осуществлялась приграничная торговля, однако к вопросу конфессиональных связей отношение советского руководства было противоречивым и непоследовательным. Причины следует искать не только в общей антирелигиозной направленности советской политики 1920–1970-х гг., но и в религиозной ситуации, которая сложилась в годы Великой Отечественной войны на оккупированной финнами части территории Карелии. Финские оккупационные власти

¹⁰ Sihvo J. Religion and Nationality among Minorities in Russia. The Case of the Ingrian Finns from the 1930s. Helsinki, 2002. P. 183–205.; Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä // Kirkon tutkimuskeskus. Sarja A. № 70. Jyväskylä : Gummerus, 1997. 434 p.

¹¹ Issakainen M. Toinen vyöttää sinut Paul Saarín tie papiksi Viroon ja Inkerimaalle. Pieksämäki ; Helsinki : Kirjaneliö, 1994. 251 p.; Mesiaainen E. Maria Kajavan pitkä taival. Helsinki : Karas-sana, 1990. 334 p.

¹² Русская Православная церковь [Электронный ресурс] // Журнал Московской патриархии. URL: <http://www.jmp.ru/a1943/y.php> (дата обращения: 21.05.2024).

¹³ Круглова Г. А. Православная мирология // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 103–112. EDN: TWQUVB

развернули активную деятельность по внедрению религии среди населения: в Петрозаводске и районах республики ими было открыто до 30 церквей и молитвенных домов, которые функционировали до момента изгнания оккупантов, богослужения в церквях проводились только на финском языке; по распоряжению финских властей в обязательном порядке было введено крещение детей; население принуждалось к вступлению в церковные браки; в школах был введен урок изучения Закона Божия. В докладной записке министерства государственной безопасности КФССР секретарю ЦК КП(б) республики Г. Н. Куприянову от 25 июля 1947 г. подчеркивалось: «Финское духовенство... проводило активную работу среди молодежи как через церкви, так и через специально созданные религиозные школы «Риппи-коулу»¹⁴, а также путем распространения религиозной литературы... Была разоблачена и арестована антисоветская группа карельской молодежи, выезжавшая во время оккупации в Финляндию и окончившая там в 1942–1943 гг. шестимесячную религиозную школу. Они являлись в период оккупации членами финской националистической молодежной организации “Керхо”... После изгнания оккупантов они проводили религиозную и антисоветскую пропаганду среди молодежи, в том числе и прибывшей по реэвакуации»¹⁵.

В ноябре 1944 г. в Карелии официально действовала только одна Крестовоздвиженская церковь в Петрозаводске¹⁶. Имелись заявления об открытии церквей в иных городах и поселениях. Начавшееся в годы войны улучшение отношений между Церковью и государством нашло свое отражение в инструктивном письме уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 14 сентября 1944 г., в котором говорилось: «...В период оккупации вновь превращенные в церкви здания не могут изыматься из пользования церковных общин без особого на то разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР»¹⁷. В предшествующий период подобные решения могли приниматься на местном уровне, без согласования с центральными властями.

Высокая оценка роли РПЦ в консолидации общества в годы Великой Отечественной войны во многом обусловила некоторые послабления в части советской атеистической пропаганды, однако уже в ранний послевоенный период официальная власть начинает сдерживать инициативы священников по проведению патриотической работы в мирное время и разъяснять им, что «проведение политических и хозяйственных кампаний – дело советских и партийных организаций, которые имеют достаточно силы и авторитета для выполнения поставленных задач»¹⁸.

Такая политика вполне согласовывалась с планами использования Церкви как духовно-нравственной опоры международной политики Кремля. Среди направлений внешнеполитической деятельности после войны основное внимание было уделено контактам Московской Патриархии со славянскими странами и воссоединению русских православных церквей за границей¹⁹. В этом контексте Карелия не представляла особого интереса для работы по указанным направлениям.

Православию в Карелии отводилась роль традиционного религиозного направления российского государства. Лютеранство же, в силу его происхождения, непременно свя-

¹⁴ Так в документе. Rippikoulu (фин.) – конфирмационная школа.

¹⁵ Докладная записка министра государственной безопасности КФССР полковника Кузнецова секретарю ЦК КП(б) КФССР Куприянову о состоянии церквей и деятельности духовенства, церковников и сектантов по КФССР от 25 июля 1947 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 6–9.

¹⁶ Письмо временно управляющему Ленинградской епархией Григорию, Архиепископу Псковскому и Порховскому от уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК КФССР И. Филимонова от 10 ноября 1944 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 10.

¹⁷ Инструктивное письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 14 сентября 1944 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 17.

¹⁸ Инструктивное письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 12 июля 1946 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 61.

¹⁹ Васильева О. Ю. Вместе с русским народом и Советским Союзом. Как сталинское правительство пыталось использовать авторитет Церкви // Независимая газета. 1997.

зывалось с идеологией военных противников. Именно поэтому многие восстановившие в годы войны свою деятельность церкви вновь были закрыты²⁰. Совет по делам религиозных культов, учрежденный в 1944 г., на местах организовал институт своих уполномоченных, но для Карелии было введено только кураторство над православной церковью.

Разрешение финнам-ингерманландцам, экспатрированным со своей этнической территории – Ленинградской области – в предвоенные и военные годы, расселяться на территории Карелии изменило конфессиональную ситуацию в республике. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР» от 11 февраля 1949 г., к концу 1949 г. в республику прибыло почти 7,5 тыс. семей ингерманландцев. Они приезжали из разных регионов СССР, в большей степени из Эстонии (41 %), Псковской области (32 %), Сибири (16 %)²¹. В 1950 г. в связи с так называемым «ленинградским делом» массовая вербовка была прекращена, а ингерманландцев предписывалось переселить из пограничных районов республики в непограничные²².

Одновременно принимались меры по усилению режима в пограничных районах Карело-Финской ССР (КФССР). В 1954 г. по причине участвовавших выездов священнослужителей в приграничные районы завязалась дискуссия между заместителем председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР С. К. Бельшевым и председателем Совета Министров КФССР И. С. Беляевым. Представитель Совета по делам РПЦ настойчиво рекомендовал руководствоваться единым для всех граждан допуском в погранрайоны, что не представлялось целесообразным местному исполнительному лицу, считавшему необходимым определить для этой категории граждан особый порядок²³.

В исследованиях историков не раз обращалось внимание на сопряженность национальной политики Карелии с «финским вопросом»²⁴. Ингерманландские финны, завербованные в Карелию в 1949–1950-е гг., были призваны усилить финно-угорскую составляющую республики, так как уже к концу 1930-х гг. очевидными стали большие потери карелов, финнов и вепсов в составе населения республики (в 1939 г. их доля была равна 27 %, тогда как в 1926 г. – 42,6 %)²⁵. Финский язык в республике долгое время рассматривался как замена бесписьменному карельскому языку в силу того, что он был весьма близок северному карельскому наречию. Эти обстоятельства не стали причиной особого отношения к религиозным предпочтениям финнов.

В докладной записке уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Карело-Финской ССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ в КФССР от 20 марта 1950 г. указывалось, что на окраине Петрозаводска, в пос. Куковка, был выявлен факт слушания молитв, передаваемых одной из радиостанций Финляндии. В квартире финнов-переселенцев была обнаружена большая религиозная библиотека²⁶. В сообщении завсектором информации Пряжинского РК КП(б) от 27 ноября 1950 г. упоминались факты прослушивания в пос. Соддер отдельными рабочими, молодежью и даже комсомольцами записей финского церковного хора, а также радио-богослужений, передаваемых из Финляндии.

²⁰ Постановление СМ КФССР по ходатайству Заонежского райсовета депутатов трудящихся о закрытии церкви в Великой Губе. Апрель 1951 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 61–65.

²¹ Веригин С. Г., Суни Л. В. Переселение ингерманландцев в Карелию в конце 1940-х гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории : сб. ст. и докладов. Мат-лы сер. «Народы и культуры». Вып. XVI. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1992. С. 200–216.

²² Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии 1930–1956 гг. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск : Изд-во «ИП Григорович А. А.», 2001. С. 118.

²³ Письмо заместителя Председателя Совета по делам РПЦ С. К. Бельшева председателю С. М. КФССР И. С. Беляеву от 23 февраля 1954 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 25–26.

²⁴ Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб. : Журнал «Нева», 2000. 285 с.; Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itseshallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 399 p.

²⁵ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1978. С. 73.

²⁶ Докладная записка Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по КФССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ на 20 марта 1950 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 7.

Подобные факты пресекались партийным и советским руководством республики. В постановлениях бюро ЦК КП(б) КФССР и бюро Петрозаводского горкома партии подчеркивался «антисоветский характер пропаганды, ведущейся иностранными радиостанциями» и вменялось в обязанность партийным организациям улучшить агитацию на финском языке путем распространения книг, чтения лекций, особенно на антирелигиозные темы, систематического проведения в домах культуры, клубах, избах-читальнях, красных уголках организованного коллективного слушания центральных и местных радиопередач²⁷.

Помимо организации нелегальных молений верующих в частных домах и отдельных квартирах, пасторы-нелегалы устраивали конфирмации, распространяли религиозную литературу, завезенную в СССР из Финляндии в 1944–1945 гг. Так, в августе 1953 г. органами госбезопасности республики был изъят у пасторов-лютеран, проживавших в дер. Бабыя Губа и пос. Рабочеостровск Кемского района, ряд книг, изданных в Финляндии в 1920–1940-х гг.: «Потерянная Ингерманландия», «О жизни и смерти», «Клад души», «Спасен ли ты?» и др.²⁸

К концу 1950-х гг., в связи с преобразованием в 1956 г. Карело-Финской ССР в Карельскую автономную республику, финский компонент в национальной политике республики утратил свое значение, однако вопрос об отношении к лютеранам оставался актуальным.

С 1954 г. в обязанности уполномоченного по делам РПЦ входил контроль за посещением церквей иностранными делегациями. В это время в Карелии было зарегистрировано шесть церквей. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР в постановлении от 21 сентября 1955 г. настоятельно рекомендовал местным властям при организации приема иностранцев исходить из того, чтобы у делегации складывалось благоприятное представление о терпимом отношении к церкви в СССР²⁹. В 1957 г. был разработан справочный материал для бесед с иностранными гостями, отразивший совместную работу советских властей и духовенства, которое по собственной инициативе включилось в активную борьбу советского народа за мир, призывая к этому верующих. Внешняя работа церкви рассматривалась как «единственная сторона деятельности церкви, которая представляет интерес и полезна на современном этапе для нашего государства»³⁰.

Участие церкви в этой работе жестко контролировалось государством. К примеру, в ответ на обращение Патриарха Московского Алексия в Совет по делам религиозных культов с просьбой ознакомить духовенство и верующих с результатами работы сессии всемирного Совета Мира в Стокгольме (1959 г.) разрешение было получено, но при условии обязательного участия представителей Советского комитета защиты мира.

В 1950–1970-е гг. период идеологической конфронтации и культурного изоляционизма в советско-финляндских межгосударственных отношениях сменился курсом на сближение стран, закрепленным Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (1948 г.). Расширению разнообразных контактов на межгосударственном и межличностном уровнях способствовало создание в 1962 г. Карельского отделения общества «СССР – Финляндия» и установление в 1965 г. побратимских отно-

²⁷ Постановление бюро Петрозаводского горкома партии «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы среди переселенцев» от 24 августа 1949 г. // НАРК. Ф. П-1230. Оп. 58. Д. 12. Л. 59–62; Постановление бюро ЦК КП(б) КФССР «О состоянии и мерах усиления контроля за использованием радиоприемников коллективного слушания» от 18 июля 1950 г. // Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии 1930–1956 гг. / сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск : Изд-во «Григорович А. А.», 2001. С. 120.

²⁸ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск : СДВ-Оптима, 1999. С. 209.

²⁹ Постановление Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР от 21 сентября 1955 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/4. Л. 6.

³⁰ О докладной записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды. 20 января 1959 г. : Доклад члена Совета по делам религий И. И. Сивенкова // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 33.

шений Петрозаводска и Варкауса. Политический климат, улучшение взаимоотношений между странами составляли важную предпосылку для развития отношений и в других областях.

Так, Совет Министров КФССР в мае 1953 г. разрешил включить в состав церковной делегации, направляемой Московской патриархией в Финляндию, настоятеля Петрозаводского Крестовоздвиженского собора священника Н. В. Фомичева, имевшего высшее образование. В задачу делегации входило выяснение на месте положения приходов Московской патриархии и православных карел в Финляндии и разоблачение враждебной клеветы об отсутствии религиозной свободы в СССР, в частности в КФССР³¹.

В то же время неизменно отрицательной оставалась позиция руководства республики, касающаяся регистрации лютеранского прихода. В 1960 г. в Петрозаводске в группе лютеран насчитывалось около 1 тыс. чел. В разных районах Карелии существовали сектантские группы: 121 пятидесятник, 4 адвентиста, 4 члена истинно-православной церкви и 4 иеговиста³².

Попытки узаконить лютеранский приход в Карелии наряду с общиной евангельских христиан растянулись на десятилетия. Большую роль сыграли активисты этих групп, постепенно добивавшиеся существенных уступок власти.

Отдел пропаганды и агитации Петрозаводского горкома КПСС предполагал, что просьбы об открытии молебных домов и легализации своего положения со стороны сектантов, баптистов и лютеран совпадали со стремлениями финского реакционного духовенства, которое поставило цель иметь в Петрозаводске центр для проведения националистической работы. В справке отдела, направленной в Карельский обком КПСС, подчеркивалось, что «в настоящее время лютеранские церковники отказались от групповых информаций и проводят эту работу в очень узком кругу лиц»³³.

В 1960 г. секретари бюро обкома партии дважды поднимали вопрос о повышении политической бдительности и активном противодействии враждебной радиопропаганде. Высказывались опасения в связи со случаями нарушения границы с Финляндией, увеличением засылки иностранной литературы. Постановления бюро призывали улучшить качество научно-атеистической пропаганды³⁴.

В этом контексте интересна опубликованная в 1963 г. в издательстве «Советский художник» серия открыток на антирелигиозную тему, в которой религия и церковь обличаются как архаичное явление жизни, от которого следует дистанцироваться (рис. 1–4)³⁵.

Церковники, православные и протестантские, изображены как нахлебники, «сидящие на шее» у народа. А «груз» с надписью «гусли» (рис. 3) призван символизировать отказ от архаичных традиций, в числе которых находится и религия.

Внимание уделено и внешнеполитическому аспекту, представленному через образ американских верующих, не пренебрегающих убийством представителя другой расы. Примеры плакатов, изданных в 1963 г., представляют верующих в числе врагов советской власти и ставят их в один ряд с внешнеполитическими противниками холодной войны, подвергая сомнению истинность их устремлений.

³¹ Ответ Председателя СМ КФССР П. Прокконена на запрос Совета по делам РПЦ от 12 мая 1953 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 5.

³² Справка о ходе выполнения постановления Совета Министров КАСР от 24 августа 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 33; Д. 3/45. Л. 141.

³³ Справка отдела пропаганды и агитации Петрозаводского горкома КПСС об атеистической пропаганде в городе. 1960 г. // НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 55–58.

³⁴ Протокол бюро Карельского обкома партии от 2 августа 1960 г. «О повышении политической бдительности» // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 42. Л. 19–20; Протокол бюро Карельского обкома партии от 25 августа 1960 г. «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде» // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 45. Л. 39.

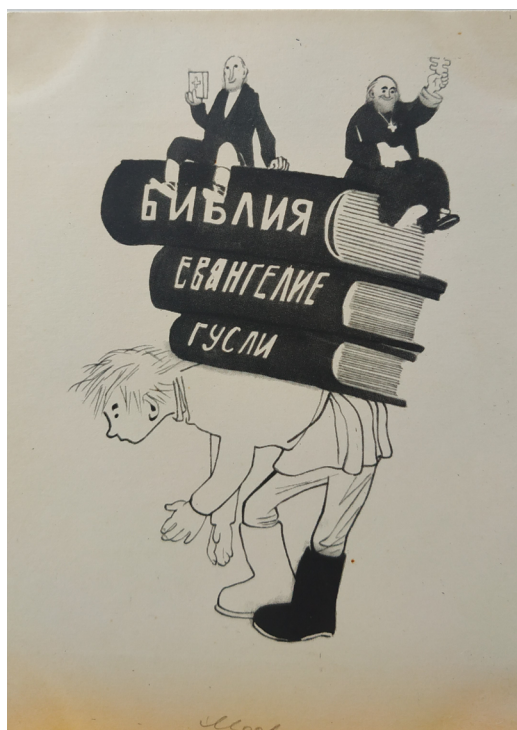
³⁵ Рисунки, плакаты на антирелигиозную тему. Л. : Советский художник, 1964. 24 шт.

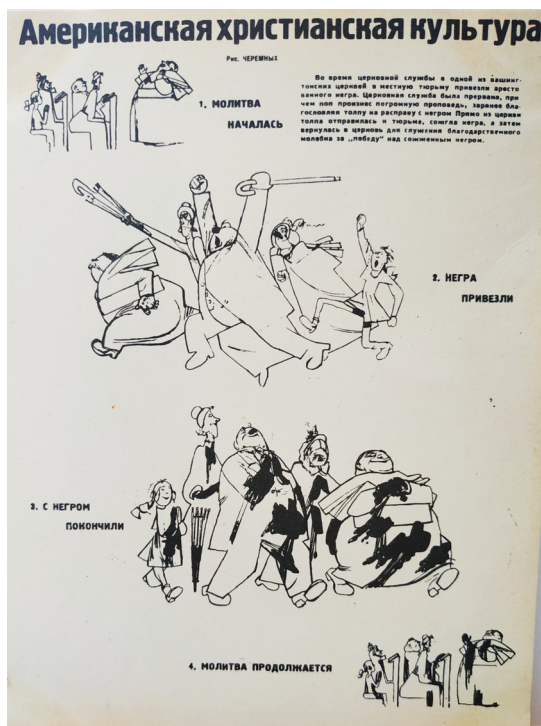
Р и с. 1. Д. С. Моор, П. Я. Караченцев
«Тянет поп к прежнему, — да где ж ему!» Плакат.
F i g. 1. D. S. Moore, P. Y. Karachentsev “The priest
longs for the past, but where can he go?!” Poster.

Р и с. 2. М. М. Черемных «У церковного порога ждешь, поп, напрасно!» Плакат.
F i g. 2. M. M. Cheremnykh “You wait in vain at the church threshold, priest!” Poster.

Р и с. 3. Д. С. Моор «Ненужный груз».
Плакат.
F i g. 3. D. S. Moore “Unnecessary burden”.
Poster.

Р и с. 4. М. М. Черемных
«Американская христианская культура». Плакат.
F i g. 4. M. M. Cheremnykh
“American Christian Culture”. Poster.

Источник: все рисунки взяты из серии открыток издательства «Советский художник».

Source: all figures are taken from a series of postcards published by the “Sovetskiy hudozhnik” publishing house.

Несмотря на пропагандистский прессинг, контакты лютеран Карелии с Эстонией, вошедшей в состав СССР в 1940 г., продолжались. В 1958 г. Петрозаводск посетил эстонский архиепископ Ян Кийвит. В 1969 г. благодаря его содействию удалось официально зарегистрировать карельский лютеранский приход (для регистрации требовалось наличие конфессионального центра или органа управления, который и существовал в ЭССР в силу более либеральной религиозной политики на присоединенных территориях).

Лютеране внимательно отслеживали опыт православных прихожан и настаивали на таких же правах для своей общины, власти были вынуждены согласиться. Пастор из Эстонии Э. Кулль с 1968 г. регулярно приезжал в приход Петрозаводска. Обеспечить это было непросто. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Карелии отклонял эти визиты, объясняя свою резолюцию тем, что пастор не может приезжать из-за пределов города, а должен иметь в нем постоянную прописку. Только в 1972 г. было подписано официальное разрешение эстонскому пастору служить в лютеранском приходе.

Связи с Эстонским епископатом имели и совещательный характер. Церковный совет Петрозаводской общины информировал эстонскую сторону о неудовлетворенных запросах к власти, которые подавались верующими. В ответ евангелическо-лютеранская консистория ЭССР обращалась в Совет по делам религий с настойчивыми просьбами о содействии. Таким образом, негласно (без непосредственного юридического подчинения) существовала связь лютеранского прихода Карелии с эстонским епископом и консисторией. Только в ноябре 1976 г. это взаимодействие было узаконено³⁶.

Во взаимоотношениях с государственными органами лютеранский приход ориентировался на опыт православной церкви. Были приняты во внимание вопросы, связанные с запретом колокольного звона для церквей, находившихся рядом с образовательным учреждением. За проведение обрядов крещения, венчания и отпевания прихожан тоже пришлось бороться. Поскольку они были официально признанными атрибутами православного служения, то лютеране использовали этот факт для отстаивания своего права на такую же обрядовую практику. Такие опосредованные контакты православных и лютеран не становились причиной межконфессиональных трений, напротив, они часто коммуницировали вплоть до взаимных проповедей в своих приходах, отправления друг другу писем-запросов, уточняющих возможные формы взаимодействия. В лютеранской общине обряды крещения, венчания, отпевания, в том числе заочного, были разрешены с 1975 г.

Финны-лютеране Карелии стремились поддерживать постоянные связи с «метрополией», хотя чаще всего контакты происходили на частном, семейном уровне. В 1975 г. состоялся первый визит в Петрозаводск архиепископа Евангелическо-лютеранской церкви ЕЛЦ Финляндии М. Симоёки. В 1981 г. лютеранский приход посетил генеральный секретарь отдела иностранных дел финской лютеранской церкви Я. Лауникари. На торжественной службе присутствовали представители православной церкви. Во время встречи с Уполномоченным по делам религий при Совете Министров Карельской АССР было выражено общее пожелание о постройке нового молитвенного дома.

Решить этот вопрос помогли лютеранам Петрозаводска высшие российские православные иерархи, убедив республиканское руководство в такой необходимости, которая действительно была, поскольку Петрозаводский приход был местом стягивания лютеран из многих близлежащих к Петрозаводску сел. В 1981 г. Олонецким православным епархиальным управлением была оказана финансовая помощь лютеранскому приходу для переоборудования молитвенного здания³⁷, что свидетельствует о высокой степени межконфессионального взаимодействия.

Вместе с тем внимание зарубежных церковных деятелей к лютеранской общине Петрозаводска стало причиной особого контроля за ее деятельностью. Визиты иностранных туристов в общину, поступление религиозной литературы, различные собрания и мероприятия, даже субботники – все это стало заботой уполномоченного. Многие из попыток прихожан ЕЛЦ Финляндии оказать помощь верующим и соплеменникам пресекались. Участие в мероприятиях под лозунгом «борьбы за мир» были одним из способов контак-

³⁶ Письмо и. о. Уполномоченного Совета по делам религий (СДР) при Совете министров КАСР В. С. Ракчеева в СДР при Совете министров СССР от 19 ноября 1976 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6991с. Оп. 6. Д. 1154. Лл. 6; 9–10.

³⁷ Письмо Уполномоченного по делам религий при Совете министров КАСР В. И. Поршнякова в СДР при Совете министров СССР от 2 сентября 1982 г. // ГА РФ. Ф. 6991с. Оп. 6. Д. 2320. Л. 14.

тов, которые часто проходили за рубежом. Именно поэтому все визиты, составы делегаций, планы работ в период подобных встреч тщательно согласовывались.

Заключение

Религиозная ситуация в Карелии в 1940–1980-х гг. обуславливалась разными факторами. Пространственное размещение в приграничной территории, соседство с капиталистической страной, являвшейся противником СССР в годы Второй мировой войны, определили настороженное отношение советского руководства к любым формам контактов церкви с общинами и религиозными структурами Финляндии. Связь лютеранства со странами-противниками также обусловила максимальное неприятие инициатив граждан по созданию лютеранских приходов. С другой стороны, понимание укрепившегося после войны имиджа церкви, необходимость налаживания контактов на мировой арене в условиях «холодной войны» создавали хорошие возможности для самосохранения РПЦ. Осознавая это, часть православного духовенства в Карелии сотрудничала с официальными властями, выполняя их заказ на патриотическую и миротворческую деятельность и реализуя свои попытки по расширению сферы влияния с опорой на международную огласку и даже межконфессиональные связи. Описанные выше примеры взаимной поддержки православных и лютеран отражают близость запросов религиозных общин, которые оказались выше теологических разночтений. Исследование позволяет по-новому взглянуть на проблемы регионального межконфессионального взаимодействия в период атеистической политики советского государства 1940–1980-х гг., отразить роль внешнего фактора, оказавшего существенное влияние на религиозную ситуацию в приграничной республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлениях против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР. *Новейшая история России*. 2018;8(3):640–658. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>
Belyakova N.A. “We Report about the Crimes against Justice...”: Believer’s Appeals and Complaints in the Brezhnev USSR. *Modern History of Russia*. 2018;8(3):640–658 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.307>
2. Буянов Е.В. Религиозная ситуация в Амурской области во второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. XX в. *Религиоведение*. 2017;(1):23–30. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.23-30>
Buyanov E.V. Religious Situation in the Amur Region in the Second Half of the 1940s – First Half of the 1960s. *Religiovedenie*. 2017;(1):23–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.23-30>
3. Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Положение религиозных общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики середины 1950-х – первой половины 1960-х гг. *Новейшая история России*. 2022;12(2):477–490. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.213>
Dashkovskiy P.K., Zibert N.P. The Situation of Religious Communities in Western Siberia in the Context of the State Confessional Policy in the Mid-1950s – Early 1960s. *Modern History of Russia*. 2022;12(2):477–490. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.213>
4. Савин А.И. Нелегальная деятельность евангельских общин и практики власти в позднем СССР (1960-е – 1980-е гг.). *История*. 2018;9(7). <https://doi.org/10.18254/S0002374-0-1>
Savin A.I. Evangelical Communities’ Illegal Activities and Government Practices in Late USSR (1960s – 1980s). *Istoriya*. 2018;9(7). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18254/S0002374-0-1>
5. Молодов О.Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера). *Новейшая история России*. 2016;(3):121–137. URL: <https://clck.ru/3FnsjS> (дата обращения: 25.01.2024).
Molodov O.B. An Orthodox Parish: The Concept and Management System in 1945–2000 (a Case Study of the Russian North). *Modern History of Russia*. 2016;(3):121–137. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3FnsjS> (accessed 25.01.2024).
6. Шкаровский М.В. Скандинавское влияние на религиозную жизнь Северо-Запада России в XVII–XX веках. *Христианское чтение*. 2018;(3):243–256. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>
Shkarovsky M.V. Mikhail Shkarovsky. Scandinavian Influence on the Religious Life of North-West Russia in the 17th–20th Centuries. *Christian Reading*. 2018;(3):243–256. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>
7. Король В.Л. Миротворческая деятельность Русской православной церкви (1949–1991): историография проблемы. *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки*. 2013;(9):144–152. URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/1182> (дата обращения: 26.02.2024).

- Korol V.L. Peacemaking Activity of Russian Orthodox Church (1949–1991): Historiography of the Problem. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2013;(9):144–152. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/1182> (accessed 26.02.2024).
8. Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В., Шок Н.П. Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного гуманистического диалога. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021;(74):55–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7>
Pivovarov N.Yu., Tikhonov V.V., Shok N.P. The Peacemaking Movement of the USSR in the Late 1940s – Early 1960s: Christian Denominations and the Ethics of International Humanistic Dialogue. *Tomsk State University Journal. History*. 2021;(74):55–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7>

Информация об авторах:

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>, SPIN-код: 2326-9197, ludvav@mail.ru

Яловицына Светлана Эркиевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>, SPIN-код: 6690-1995, jalov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. И. Вавулинская – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы.

С. Э. Яловицына – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; контроль и лидерство в процессе планирования и проведения исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.09.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

Information about the authors:

Ljudmila I. Vavulinskaya, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>, SPIN-код: 2326-9197, ludvav@mail.ru

Svetlana E. Yalovitsyna, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>, SPIN-код: 6690-1995, jalov@yandex.ru

Authors' contribution:

L. I. Vavulinskaya – conducting the research process, including collecting data; creating and preparing the manuscript: writing a draft of the manuscript, providing comments and corrections by members of the research team.

S. E. Yalovitsyna – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 04.09.2024; revised 27.11.2024; accepted 02.12.2024.